

Review

Рецензии

Рецензии

Исторические науки

УДК 049.32:[930.23+340.15];094(510)"13/16"

DOI 10.31696/2618-7043-2020-3-4-1202-1216

Историко-правовые размышления по поводу издания 4-томного перевода «Законов Великой династии Мин». [Рец. на:] Законы великой династии Мин. Со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзе фу ли). Ч. IV / Отв. ред. С.В. Дмитриев; Пер. Н. П. Свистунова. М.: Восточная литература; 2019. 550 с.

Роман Юлианович Почекаев¹ ✉, Илья Васильевич Тутаяев²

^{1,2} *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия*

¹ *rpochekaev@hse.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-4192-3528>*

² *tutaevlawyer@yandex.ru*

Аннотация. Статья представляет собой обзор четырехтомного издания русского перевода «Да Мин люй цзи цзе фу ли» («Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений»), издававшегося с 1997 по 2019 г. Введение в русскоязычный научный оборот этого правового памятника вносит существенное дополнение в современные представления о китайской традиционной правовой системе и закрывает значительную лауну в истории развития права Китая XIV–XVII вв.

В рамках обзора применялись специальные юридические методы исследования. Историко-правовой подход позволил рассмотреть появление и действие этого правового свода в конкретных исторических условиях, оценить степень его актуальности для эпохи Мин (1368–1644). Сравнительно-правовой метод дал возможность сравнить анализируемый правовой свод с другими памятниками традиционного права Китая, начиная с древнейших и заканчивая законодательством последней династии императорского Китая – Цин (1644–1911). Формально-юридический подход обеспечил анализ юридической техники данного документа, особенностей его структуры и содержания, выявление специфической правовой терминологии и пр.

В результате проведенного обзора отмечается высокая ценность анализируемого правового памятника как источника по истории средневекового Китая, его государственности и права, выявлены его особенности и сходства с другими источниками традиционного китайского права, отмечена значимость свода законов для развития последующего законодательства императорского Китая. Свод законов «Да Мин люй цзи цзе фу ли» является ценнейшим источником по истории государственности и права Китая эпохи династии Мин, содержит важнейшие сведения о системе органов власти и управления, их компетенции, ос-

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

REVIEW

Pochekaev R. Yu., Tutaev I. V. Some thoughts on historical and legal aspects...
Orientalistica. 2020;3(4):1202–1216

новых сферах правоотношений в средневековом китайском обществе. В целом сохраняя традиционную для китайских сводов законов структуру (истоки этой традиции были заложены еще в эпоху династии Тан, 618–907), анализируемый памятник является гораздо более объемным, учитывает новые, по сравнению с предыдущими кодификациями, сферы правоотношений, изменения, происшедшие во внутренней и внешней политике Китая после изгнания монгольской династии Юань (1271–1368) и прихода к власти «национальной» династии Мин. Ряд принципов внутренней и внешней политики, активно реализовавшихся в эпоху Цин, был формально юридически закреплен уже в правовом своде Мин.

Анализируемый правовой памятник представляет большой интерес для исследователей истории Китая, его государства и права. Практически каждая глава, а также отдельные статьи и дополнительные постановления могут стать предметом исторического, историко-правового или сравнительно-правового анализа, представляют большой интерес также для преподавателей истории государства и права зарубежных стран и для студентов, изучающих этот предмет.

Ключевые слова: Законы великой династии Мин; традиционное право Китая; кодификации; история государства и права Востока

Благодарности: Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162 «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.»), реализуемого в Институте языков и культур им. Льва Толстого.

Для цитирования: Почекаев Р. Ю., Тутаяев И. В. Историко-правовые размышления по поводу издания 4-томного перевода «Законов Великой династии Мин». [Рец. на:] Законы великой династии Мин. Со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзе фу ли). Ч. IV / Отв. ред. С.В. Дмитриев; Пер. Н. П. Свистунова. М.: Восточная литература; 2019. 550 с. // *Ориенталистика*. 2020. Т. 3, № 4. С. 1202–1216. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-4-1202-1216.

Review

History studies

DOI 10.31696/2618-7043-2020-3-4-1202-1216

Some thoughts on historical and legal aspects regarding the fourth volume of the “Laws of the Great Ming dynasty” translated into Russian. [Review on:] Svistunova N. P. (transl.), Dmitriev S. V. (ed.). Laws of the Great Ming Dynasty with the Combined Commentary and Enclosed Decrees (Da Ming Liuy Tsi Tze Fu Li). Pt. IV. Moscow: Vostochnaya literature; 2019. 550 p.

Roman Yu. Pochekaev¹ ✉, Ilia V. Tutaev²

^{1,2} National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia

¹ rpochekaev@hse.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-4192-3528>

² tutaevlawyer@yandex.ru

Abstract. The article is a survey of the Russian translation of “Laws of the Great Ming dynasty” in four volumes published since 1997 to 2019. The introduction of this legal

monument to the Russian scientific society is of great importance as it substantially expands contemporary idea on Chinese traditional legal system and meets a lack in the history of law of China in 14th–17th cc.

To survey the legal monument there special legal scientific methods were used. Historical legal approach allowed to trace the creation and acting of this codification in the specific historical circumstances, value its urgency for the epoch of Ming dynasty (1368–1644). Comparative legal method gave an opportunity to compare this legal monument with other codifications of traditional Chinese law since the ancient times to the legislation of Qing, last dynasty of the imperial China (1644–1911). Formal legal approach provided the analysis of the legal technique of the document, specific features of its structure and content, characteristic of legal terminology, etc.

The analysis allowed to appreciate the “Laws of the Great Ming dynasty” at its high value as a source on history, state and law of medieval China. It had similarities and differences with other sources of traditional Chinese law. Besides, it is of great importance for the further development of legislation of imperial China.

The codification is an important document on statehood and law of the Ming China as it contains valuable information on power system and competence of authorities, basic fields of legal relations in the medieval Chinese society. Its structure is traditional (based on the example of codification of Tang dynasty, 618–907), at the same time it has larger volume and regulates new fields of legal relations, takes into account changes in the internal and external status of China after the expelling the Mongolian Yuan dynasty (1271–1368) and foundation of “national” Ming dynasty. Some principles of domestic and foreign policy of Qing dynasty were legally fixed during the epoch of Ming. The analyzed legal monument is of great interest for researchers of the history of China, its state and law. In fact, each chapter as well as specific articles and supplement statements could be a subject of investigation. “Laws of the Great Ming dynasty” also could be used by lecturers of history of state and law and for students who study this discipline.

Keywords: Laws of the Great Ming dynasty; traditional law of China; codification; history of state and law of Orient

Acknowledgments: The research is executed at the expense of a grant of the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00162, Central Asia in the international relations in the 18th–19th cc.) in the Leo Tolstoy Institute of Languages and Cultures.

For citation: Pochekaev R. Yu., Tutaev I. V. Some thoughts on historical and legal aspects regarding the fourth volume of the “Laws of the Great Ming dynasty” translated into Russian. [Review on:] Svistunova N. P. (transl.), Dmitriev S. V. (ed.). Laws of the Great Ming Dynasty with the Combined Commentary and Enclosed Decrees (Da Ming Liuy Tsi Tze Fu Li). Pt. IV. Moscow: Vostochnaya literature; 2019. 550 p. *Orientalistica*. 2020;3(4):1202–1216. (In Russ.). DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-4-1202-1216.

В 2019 г. вышел четвертый, завершающий, том «Да Мин люй цзи цзе фу ли» («Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений»), ставший результатом многолетних трудов Наталии Павловны Свистуновой. Несомненно, это издание еще привлечет внимание, в первую очередь, синологов, историков Китая, а также, надеемся, филологов, здесь же мы намерены представить некоторые

размышления о том, какое значение этот правовой памятник имеет для истории китайского государства и права, насколько может быть полезен всем, кто изучает государственность и право этой страны, не владея китайским языком.

Безусловно, появление перевода памятника права традиционного Китая – это настоящий праздник для специалистов по истории государства и права, большинство которых китайского языка, конечно же, не знают, однако в рамках своих научных изысканий (а нередко и преподавательских обязанностей) обойтись без подобных документов не могут. Переводить памятники китайского права в России стали давно, еще в XVIII в. При этом поначалу это делалось не столько с научной целью, сколько с практической – в этих переводах были заинтересованы, прежде всего, российские власти и дипломаты, старавшиеся выстраивать эффективные отношения с империей Цин (1644–1912). Поэтому первый китайский правовой свод, переведенный на русский язык, являлся не памятником права, а именно действовавшим на тот момент маньчжурским законодательством, переведенным А. Л. Леонтьевым [1; 2] и в дальнейшем постоянно использовавшимся как практиками, так и исследователями китайского права.

Исследовательский интерес к истории китайского права стал формироваться в России гораздо позже, соответственно, и переводы китайских правовых памятников, более востребованные историками и правоведами, начали появляться лишь в конце XIX в. и позднее¹. Тем не менее на сегодняшний день в отечественный научный оборот введен весьма значительный корпус правовых текстов традиционного Китая, начиная с древнейших времен.

Как ни странно, но наиболее древние китайские правовые памятники оказались переведены на русский сравнительно недавно. Так, в 2010-х гг. был опубликован частичный перевод «Чжоу ли» («Установлений династии Чжоу») – комплексного религиозно-правового памятника, созданного между X и VI вв. до н. э. и содержащего характеристику правового статуса чиновников, в которой отражены идеальные основы политического устройства древнего Китая [4]. В этот же период появился перевод «Цзоуяньшу» («Сборника судебных запросов») – памятника права и процесса империи Ранняя Хань, записанного на бамбуковых планках [5].

Благодаря многолетним трудам В. М. Рыбакова, в отечественный научный оборот был введен, пожалуй, самый известный памятник китайского права, оказавший огромное влияние на последующую правовую традицию, – «Тан люй шу и» («Уголовные установления Тан с разъяснениями») [6]. Именно по его образу и подобию составлялись последующие

¹ В соответствии с целями и задачами рецензии мы не останавливаемся на истории изучения правовых памятников в России, поскольку эта тема достаточно подробно освещена в современной исследовательской литературе (см., например: [3]).

правовые своды, причем не только «национальные» китайские – как, например, право империи Сун, но и созданные в иных государствах – тангутов и чжурчжэней.

Как ни странно, но законодательство эпохи Сун, правители которой управляли различными территориями Китая в течение весьма длительного времени (960–1279), до сих пор не привлекло интереса специалистов на предмет перевода на русский язык, равно как и право «Золотой империи» Цзинь, созданной чжурчжэнями (1115–1234), хотя исследователи истории Китая указанных периодов постоянно опираются на оригинальные версии их правовых сводов. Зато право тангутов, основавших империю Западная Ся на северо-западе Китая (1038–1227), стало хорошо известно российским исследователям благодаря Е. И. Кычанову, который опубликовал целый корпус тангутских правовых памятников [7; 8; 9].

В течение долгого времени синологи не ставили целью перевод правового наследия империи Юань (1271–1368), созданной Хубилаем, внуком Чингисхана, и исследователям юаньского права приходилось опираться на западные переводы юридических текстов, созданных в эту эпоху, и на исследования, проведенные на их основе, – П. Рачневски, Г. Ф. Шермана, П. Х. Чена, Б. Бердж и др. [10; 11; 12; 13]. Лишь в последние годы Е. Ф. Баялиева и С. В. Сидорович параллельно приступили к переводу «Чжи-чжэн тяо-гэ» [14; 15; 16; 17; 18] – позднеюаньской кодификации, составленной в 1346 г., которая, безусловно, ценна для исследователей, однако, как представляется, вряд ли может служить ярким примером законодательства Юань в целом, поскольку была создана уже в период упадка этой империи, что нашло отражение в языке, структуре и содержании этого документа, являющегося даже, строго говоря, не сводом законов, а собранием дополнений, пояснений и судебных прецедентов к предыдущему законодательству с целью «осовременить» его.

Принимая во внимание вышеупомянутые переводы законодательства империи Цин, осуществленные еще в XVIII в., можно констатировать, что в распоряжении исследователей истории государства и права Китая имеется обширный корпус правовых текстов, в котором долгое время существовала «лакуна» – недоставало перевода юридических памятников эпохи Мин, охватывавшей продолжительный период истории Китая (1368–1644). Лишь Н. П. Свистунова в течение нескольких десятилетий предметно занималась этим направлением – сначала как исследователь социально-экономической истории Мин, а затем и как специалист по законодательству этого периода. Соответственно, четырехтомный перевод «Законов Великой династии Мин» [19], которому посвящены наши размышления, стал главным итогом этой многолетней плодотворной деятельности.

Огромное значение перевода «Законов» для историко-правовой науки не подлежит сомнению и связано отнюдь не только с тем, что это,

во-первых, заполнение вышеупомянутой хронологической «лакуны» в корпусе переводов китайских правовых памятников, и, во-вторых, с тем, что данный свод законов весьма обширен (30 глав, 460 статей, 405 дополнительных постановлений). Наиболее важным представляется то, что он был разработан и действовал в период, когда Китаем управляла «национальная» династия, оказавшаяся между двумя чужеземными – монгольской и маньчжурской. Кроме того, период империи Мин приходится на время, которое в западной исторической традиции характеризуется как переход от Средних веков к Новому времени – хотя, конечно, для традиционного Китая эти периоды вряд ли можно считать характерными.

«Законы Великой династии Мин», безусловно, отражают преемственность от более раннего законодательства – и, естественно, в первую очередь, от вышеупомянутого свода законов империи Тан. Однако, конечно же, создатели кодификации не могли не учесть непосредственно предшествовавшего опыта – пребывания страны под иноземным господством (причем не только монголов эпохи Юань, но также чжурчжэней Цзинь, тангутов Западной Ся и др.) и не отразить изменившейся политико-правовой ситуации в своем законодательстве. Говорить о том, что законодательство Мин является преемником законодательства Юань, конечно же, не приходится: во-первых, сами юаньские законодатели во многом опирались на предшествующие законодательные разработки, во-вторых, придя к власти на волне национально-освободительного движения, Чжу Юаньчжан, основатель империи Мин, должен был демонстративно отказаться от наследия своих монгольских противников, что и символизировало начало работы над новым кодексом сразу после изгнания монголов.

Вместе с тем политико-правовые реалии в результате правления иноземных династий весьма существенно изменились, и это нашло отражение, в первую очередь, в политике Китая эпохи Мин по отношению к чужеземцам. Конечно, и в «образцовом» кодексе империи Тан, составленном еще в VII в., присутствовали нормы, касавшиеся взаимоотношений с иностранцами, но в большинстве случаев они сводились к охране границы от ее пересечения (прежде всего, танскими же подданными), к ответственности за разглашение государственной тайны посланцам иностранных держав (ст. 88–89, 109) (см. также: [20; 21]) и т. п. Иностранцы, «варвары» по определению, были представлены как враги Поднебесной империи. В законах же Мин появляются статьи, свидетельствующие о том, что правители Китая стали воспринимать постоянные контакты с иностранцами как неотъемлемую часть своей политики и, более того, стали законодательно закреплять процесс их интеграции в политико-правовое пространство Мин. Например, в ст. 122 предусматривается свобода браков китайцев с монголами и *сэмужэнь* (выходцами из Средней Азии) – в противовес политике сегрегации, последовательно проводившейся императорами Юань, в которой монголы и уроженцы Средней Азии обладали гораздо более высо-

ким правовым статусом, чем представители коренного китайского населения. В дополнительном постановлении 235 (к ст. 245) предусматривается ответственность для тех подданных Мин, которые, торгуя с «варварами», допускали мошеннические действия, «вызывая [тем самым] пограничные раздоры». Как видим, с одной стороны, «варвары» признаются уже в законодательном порядке не только врагами, но и партнерами по торговым и даже в ряде случаев по брачным связям. С другой стороны, подобного рода нормативные положения отражают изменение внешней политики Китая по отношению к соседним государствам и народам, особенно к странам и регионам Средней Азии. Поддержание мира было неременным условием, в котором нуждалась новая династия. Как известно, монголы не смирились с изгнанием из Китая, и потомки прежних императоров Юань еще и во второй половине XVI в. претендовали на восстановление своей империи². Мир и торговля позволяли империи Мин нейтрализовать многих потенциальных врагов, тем самым устраняя угрозу иноземного нашествия.

Показателем эффективности новой политики стало то, что китайцы, столько времени находившиеся под иностранным владычеством, в эпоху Мин сами стали вновь распространять свой контроль на центрально-азиатские владения, как некогда империи Хань и Тан: под их контроль со временем перешли некоторые оазисы Восточного Туркестана (в частности – Хами и Хотан в конце XV – начале XVI в.), Урянха, а ближе к концу правления династии – также ряд монгольских родов и племен, в том числе возглавлявшихся потомками Чингисхана и его братьев (например, тумэтский правитель Омбо и хорчинский князь Аоба в первой трети XVII в.), т. е. прежними претендентами на китайский трон. Таким образом, именно в эпоху Мин начинает законодательно закрепляться механизм различных форм подчинения соседних государств и народов с учетом особенностей их собственных политико-правовых традиций. Этот механизм и его правовые инструменты впоследствии были восприняты и существенно развиты следующей империей Цин, которая уже стала принимать и вводить в действие специальные нормативно-правовые акты, касавшиеся отношений Поднебесной империи с ее вассалами – монголами, тибетцами, населением Восточного Туркестана, казахами и пр. Наиболее ярким и тщательно разработанным правовым памятником подобного рода является, пожалуй, «Лифаньюань цзэли» («Уложение китайской палаты внешних сношений»), посредством которого в XVIII–XIX вв. регулировались отношения империи Цин с монгольскими ханами и князьями, Тибетом, Восточным Туркестаном и другими вассалами [23, с. 203–339;

² Чего стоит хотя бы разгром китайской армии при Туму и пленение императора Мин в 1449 г., в результате чего монголо-ойратский предводитель Эсен-тайши, узурпировавший монгольский трон, вскоре провозгласил себя каганом «Великой Юань» (см. подробнее: [22]). Во второй половине XV в. на титул императора Юань также претендовал чингизид Бату-Мунке, принявший титул «Даян-хан» («Да Юань-хаган»).

24]. Тем не менее анализ «Законов Великой династии Мин» позволяет убедиться, что основы этой политики были заложены еще тогда.

Поскольку «Законы Великой династии Мин» являются правовым памятником, их перевод целесообразно также рассмотреть с формально-юридической точки зрения. Прежде всего, следует проанализировать общую структуру памятника и его перевода, поскольку именно от нее зависит оценка юридической техники документа, включающей приемы, методы и способы составления юридических документов. Рассмотрение вопроса о юридической технике имеет существенное значение для определения общей характеристики правового памятника, без которой невозможно более детальное его изучение.

Перед переводчиком стояла весьма непростая задача – перевести текст с китайского языка таким образом, чтобы, с одной стороны, не была утеряна специфика китайской культурной (в частности – правовой) традиции, а с другой стороны, чтобы с переводом могли в дальнейшем работать исследователи, не являющиеся синологами. Так, нормы в оригинальном тексте расположены сплошным порядком и не содержат порядковых номеров. В рамках перевода статьи свода были пронумерованы, что должно способствовать облегчению работы исследователей с правовым памятником. Значительный результат произведенной работы можно наблюдать уже на уровне оглавления, позволяющего обратиться к каждой конкретной норме в зависимости от интересующей исследователя отрасли права. Сами нормы права при этом сопровождаются ссылками на страницы первоисточника.

Важно отметить, что текст «Законов» включает не только изначальную кодификацию императора Чжу Юаньчжана, но и все дополнительные постановления, включавшиеся в свод впоследствии. Указанные постановления в рамках перевода особо выделены в тексте. Данная особенность также представляется полезной для проведения исследований, поскольку позволяет получить представление как об эволюции юридической техники, так и о развитии правового регулирования как такового. Более того, их включение в перевод памятника позволяет сделать вывод, что традиционное право «недвижного Китая» вовсе не было застывшим в своем развитии, напротив – оно регулярно обновлялось по мере развития политико-правовых и социально-экономических отношений.

Обращает на себя внимание тот факт, что часть наименований государственных и должностных органов переведена на русский язык на основании существующих русскоязычных аналогов (так, например, «фу» – «коллегия», «сы» – «приказ» и т. п.). С одной стороны, подобный перевод позволяет исследователям истории китайского права сформировать представление о системе органов власти и управления эпохи Мин в привычных им современных понятиях и категориях. С другой стороны, не следует забывать, насколько условным является подобное отождест-

вление государственно-правовых институтов эпохи Мин с их российскими и европейскими аналогами, использованными в процессе перевода. Именно поэтому во введении к первой части перевода «Законов» эта условность перевода специальных терминов оговорена в контексте принципов, на основании которых перевод осуществлялся (с. 54 и след.). Для лучшего понимания специфики государственного и административного устройства империи Мин там же представлен и краткий анализ существовавших в то время государственных органов и чиновников.

Таким образом, перевод «Законов Великой династии Мин» является весьма ценным материалом для исследователей традиционного китайского права ввиду оформления понятной и логичной структуры текста правового памятника, а также смыслового перевода упомянутых в тексте памятника государственно-правовых институтов. Подобный подход позволит исследователям (в том числе и историкам права), не владеющим китайским языком, качественно работать с текстом, проводить анализ юридической техники и, следовательно, сформировать корректное общее представление о содержании «Законов».

«Законы» также имеют огромное значение с историко-правовой точки зрения. Впервые историки государства и права могут ознакомиться с полным русским переводом колоссального (и, следует отметить, единственного) всеобъемлющего правового памятника эпохи Мин и внести существенный вклад в развитие отечественных исследований по истории Китая, в частности – китайского государства и права. Исходя из содержания текста «Законов», можно заметить, что правовой памятник содержит в себе нормы, регулирующие самые разнообразные сферы правоотношений, что предполагает возможность детального изучения отдельных отраслей традиционного китайского права позднего Средневековья.

Рассматривая различные отрасли права, нашедшие отражение в тексте «Законов», их можно классифицировать, основываясь уже на содержании оглавления, а также смыслового содержания самих статей. При этом нельзя не отметить, что в силу особенностей китайской правовой традиции в главах, названия которых, казалось бы, однозначно свидетельствуют о включении в нее норм, относящихся к одной отрасли права, могут содержаться нормы, относящиеся к другим. Так, глава 10 «Рынки и торговые ряды», которая в целом содержит нормы административного права, связанные с государственным регулированием торговой деятельности (например, § 1 ст. 173 в принудительном порядке устанавливал рыночную цену в случае невозможности обеих сторон по договору о купле-продаже прийти к согласию), включает и некоторые нормы уголовного права (например, ст. 174, устанавливающая ответственность за самовольное изготовление мер).

Анализ содержания правового памятника позволяет выявить следующие отрасли права: уголовную, административную, гражданскую,

налоговую, военную. Можно наблюдать, что законодательство Мин охватывало достаточно широкий круг отраслей права. Для более точных и корректных выводов об уровне правового развития Китая эпохи Мин необходимо выявить правоотношения, регулирование которых отражено в тексте «Законов», что, в свою очередь, требует выявления объекта и субъектов правоотношений, а также права и обязанности последних. С появлением полного текста перевода исследователи могут наиболее полно раскрыть указанные вопросы.

Отдельно следует отметить, что наиболее примечательным текст «Законов» должен быть для исследователей в сфере истории уголовного права, поскольку большинство содержащихся в правовом памятнике норм посвящено именно указанной отрасли³. Это обстоятельство, опять же, характерно для традиционного китайского права, которое тяготело к письменному урегулированию преимущественно уголовно-правовых правоотношений. Второй отраслью права по степени отражения норм в тексте «Законов» является административное право. Исследования в указанных областях представляются максимально перспективными, поскольку они могут быть посвящены и общему обзору соответствующей отрасли права, и конкретным институтам (например, виды наказаний, соучастие, рецидив и т.д.). В то же время вышесказанное не означает, что иные отрасли должны быть оставлены без внимания. Напротив, изучение малочисленных норм, посвященных иным отраслям, будет иметь особую исследовательскую значимость в силу скупости самих норм. Работа в данном направлении позволит более глубоко понять содержание соответствующих отраслей права. Комплексное изучение права минского Китая на основе «Законов» представляется амбициозным, но осуществимым проектом именно благодаря переводу и приложенным к нему дополнительным материалам, отражающим результаты изучения памятника Н. П. Свистуновой.

Вместе с тем перевод «Законов Великой династии Мин» позволяет системно рассматривать законодательство эпохи Мин как важный этап развития права на протяжении всей истории традиционного Китая. Учитывая, что «Законы» уже в середине XVII в. стали основой для создания первых кодификаций следующей империи Цин (см.: [25, с. 64–66]), их изучение представляет значительный интерес для сравнительно-правовых исследований в отношении формы и содержания обоих правовых памятников – тем более теперь, когда в нашем распоряжении имеются их русские переводы.

Таким образом, перевод «Законов Великой династии Мин» обладает огромной значимостью для историко-правовой науки. Данный правовой

³ Что, впрочем, не является исключением: уже дореволюционные авторы, анализировавшие китайские правовые памятники разных времен и эпох, в большей степени сосредоточивались преимущественно на регулируемой ими сфере преступлений и наказаний (см., например: [26; 27; 28]).

памятник позволит не только глубже изучить правоотношения в традиционном Китае и его правовые институты, но также в значительной степени прояснить вопросы эволюции китайского права, поскольку является ярким примером этой эволюции. При этом возможно как «точечное» изучение конкретных вопросов, связанных с отдельными нормами «Законов», регулируемых ими правоотношений или государственных и административных институтов, так и глобальное историко-правовое исследование на тему особенностей китайского законодательства эпохи Мин.

В заключение стоит отметить, что текст «Законов Великой династии Мин» имеет существенное значение и при изучении истории права Китая в рамках дисциплины «История государства и права зарубежных стран» («Всеобщая история государства и права») на юридических факультетах. Полноценный перевод позволит студентам на примере первоисточника понять суть правовых институтов и их эволюцию, а преподавателям – формировать конспекты и учебные пособия. Формально-юридический анализ «Законов» позволит студентам понять, что данный правовой памятник регулировал самый широкий круг правоотношений, изучить особенности их регулирования на значительном временном отрезке истории традиционного Китая, проследить преемственность его правовой традиции на уровне базовых принципов и конкретных норм с древности и Средневековья до поздней имперской, до некоторой степени, даже республиканского периода, на законодательство которого, безусловно, также существенное влияние оказала древняя правовая традиция (см., например: [29, с. 11–12]). Это представляется тем более важным, что авторы учебников и учебных пособий до сих пор не имели возможности сослаться на перевод «Законов» и, соответственно, опирались на вышеперечисленные правовые памятники, введенные в отечественный научный оборот ранее (например: [30; 31]). Выход полного перевода свода законов империи Мин позволяет заполнить этот досадный пробел и представить обзор традиционного китайского права уже без лакуны протяженностью со второй половины XIV до середины XVII в.

Литература

1. Китайское уложение / Пер. А. Леонтьев. Ч. I–II. СПб.: Императорская академия наук; 1778–1779. 238, 290 с.
2. *Тайцин гурунь и Ухери коли, то есть все законы и установления Китайского (а ныне Манчжурского) правительства* / Пер. А. Леонтьев. Т. I–III. СПб.: Императорская академия наук, 1781–1783. 398, 377, 584 с.
3. Трощинский П. В. Право Китая в зеркале российской науки // *Государство и право*. 2018. № 1. С. 82–95.
4. *Установления династии Чжоу (Чжоу ли)*. Разд. 1. *Небесные чиновники* / Пер. С. Кучера. Цз. 1. М.: Восточная литература; 2010; Цз. 2. М.: Наука; Восточная литература; 2017. 495, 447 с.

REVIEW

Pochekaev R. Yu., Tutaev I. V. Some thoughts on historical and legal aspects...
Orientalistica. 2020;3(4):1202–1216

5. Корольков М. В. (пер.) Цзоуяньшу («Сборник судебных документов»). Палеографические документы Древнего Китая / Пер. М. В. Корольков. М.: Наука; Восточная литература; 2013. 215 с.

6. Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и») / Пер. В. М. Рыбаков. Цз. 1–30. СПб.: Петербургское Востоковедение; 1999–2008. 384, 304, 384, 416 с.

7. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание / Пер. Е. И. Кычанов. Кн. 1–4. М.: Наука; 1988–1989. 462, 704, 620, 676 с.

8. Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань (1101–1113) / Пер. Е. И. Кычанов // *Письменные памятники Востока*. 2005. № 1(2). С. 5–34.

9. Новые законы Тангутского государства (первая четверть XIII в.) / Пер. Е. И. Кычанов. М.: Наука; Восточная литература; 2013. 501 с.

10. Ratchnevsky P. *Un code des Yuan*. Vol. 1. Paris: Ernest Leroux; 1937 (1985); Vol. 2–3. Paris: Presses Universitaires de France; 1972–1977. 350, 199, 209 p.

11. Schurmann H. F. *Economic Structure of the Yüan Dynasty: Translation of Chapters 93 and 94 of the Yüan shih*. Cambridge: Harvard University Press; 1956. 253 p.

12. Ch'en P. H. *Chinese Legal Tradition under the Mongols: The Code of 1291 as Reconstructed*. Princeton: Princeton University Press; 1979. 205 p.

13. Birge B. *Marriage and the Law in the Age of Khubilai Khan: Cases from the Yuan dianzhang*. Harvard: Harvard University Press; 2017. 324 p.

14. Баялиева Е. Ф. Династия Юань: закон о бумажных деньгах (по кодексу Чжичжен тяогэ) // *Труды Института востоковедения РАН*. Вып. 2. М.: ИВ РАН; 2017. С. 64–70.

15. Баялиева Е. Ф. Законы юаньского Китая о морской торговле и морских перевозках (по материалам цз. 28 кодекса Чжи-чжэн тяо-гэ 至正條格) // *Общество и государство в Китае*. Т. XLVI. Ч. 2. М.: Наука; ИВ РАН; 2016. С. 53–69.

16. Баялиева Е. Ф. Закон о полях династии Юань (по кодексу «Чжи-чжэн тяо-гэ», цзюань 25) // *Общество и государство в Китае*. Т. XLVII. Ч. 2. М.: ИВ РАН; 2017. С. 59–76.

17. Сидорович С. В. Об одном из документов, содержащихся в утерянной части «Чжи-чжэн-тяо-гэ» // *Общество и государство в Китае*. Т. XLVII. Ч. 2. М.: ИВ РАН; 2017. С. 102–107.

18. Сидорович С. В. Главы 29–32 кодекса «Чжи-чжэн тяо-гэ» // *Общество и государство в Китае*. Т. XLIX. Ч. 1. М.: ИВ РАН; 2019. С. 214–309.

19. *Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фули)*. Ч. I–III / Пер. Н. П. Свистунова; Ред. С. Кучера. М.: Восточная литература; 1997–2012. 573, 408, 444 с.; Ч. IV / Пер. Н. П. Свистунова; Отв. ред. С. В. Дмитриев. М.: Восточная литература; 2019. 550 с.

20. Рыбаков В. М. Охрана государственной тайны в танском уголовном праве // *Общество и государство в Китае*. Т. XLVI. Ч. 2. М.: Наука; ИВ РАН; 2016. С. 183–198.

21. Рыбаков В. М. Правовые аспекты охраны государственной границы в танском Китае // *Письменные памятники Востока*. 2018. Т. 15. № 3(34). С. 43–55.
22. Дробышев Ю. И. «Инцидент Туму» и его герои в свете представлений о сакральном характере верховной власти // *Восток (Oriens)*. 2014. № 5. С. 5–24.
23. Бичурин Н. Я. Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. Т. II. СПб.: Типография К. Крайя; 1828. 339 с.
24. *Уложение Китайской палаты внешних сношений*. Т. 1–2 / Пер. С. Липовцев. СПб.: Типография Департамента народного просвещения; 1828. 362, 319 с.
25. Пан Т. А. *Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв.* СПб.: Петербургское Востоковедение; 2006. 228 с.
26. Степанов И. *Очерк уголовного права Китая*. Казань: Университетская типография; 1876. 24 с.
27. Попов П. С. *Краткий исторический очерк уголовного законодательства Китая с древнейших времен до второй половины X века по Р. Х.* СПб.: Типография бр. Пантелеевых; 1880. 59 с.
28. Поршняков С. М. *Карательная система Китайского уложения хана Юн-Джен*. СПб.: Типография Д. Алексеева; 1909. 71 с.
29. Козлихин И. Ю. Китайская правовая традиция // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 14. 2016. № 3. С. 4–13.
30. Ливанцев К. Е. *История государства и права Средних веков. Учебное пособие*. СПб.: Питер; 2002. 283 с.
31. Волкова С. В., Малышева Н. И. Правовое положение китайских женщин в Средние века // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. Право. 2017. Т. 8. № 4. С. 516–523.

References

1. Leont'ev A. (transl.) *The Chinese Code*. Pt. I–II. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences; 1778–1779. 238, 290 p. (In Russ.)
2. Leont'ev A. (transl.) *Taytsin gurun' and Ukheri koli, i. e. All Laws and Rules of Chines (now Manchurian) Government*. Vol. I–III. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences; 1781–1783. 398, 377, 584 p. (In Russ.)
3. Troshchinskiy P. V. The Law of China in the Mirror of the Russian Science. *Gosudarstvo i pravo*. 2018;1: 82–95. (In Russ.)
4. Kuchera S. (transl.) *Rules of the Chou Dynasty (Chou li)*. Pt. 1. Heavenly Officials. Ch. 1. M.: Vostochnaya literature; 2010; Ch. 2. Moscow: Nauka; Vostochnaya literature; 2017. 495, 447 p. (In Russ.)
5. Korol'kov M. V. (transl.) *Tszouyangshu ("Collection of Judicial Documents")*. *Pa-leographic Documents of the Ancient China*. Moscow: Nauka; Vostochnaya literature; 2013. 215 p. (In Russ.)
6. Rybakov V. M. (transl.) *Criminal Code of T'ang with Interpretations ("T'ang Liuy Shu I")*. Ch. 1–30. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie; 1999–2008. 384, 304, 384, 416 p. (In Russ.)

REVIEW

Pochekaev R. Yu., Tutaev I. V. Some thoughts on historical and legal aspects...
Orientalistica. 2020;3(4):1202–1216

7. Kychanov E. I. (transl.) *Changed and Approved Anew Code of Regnal Era of Heavenly Prosperity*. Vol. 1–4. Moscow: Nauka; 1988–1989. 462, 704, 620, 676 p. (In Russ.)
8. Kychanov E. I. (transl.) The Jade Mirror for Commanding Troops during the Period of Zhen-guan (1101–1113). *Pis'mennye pamyatniki Vostoka*. 2005;1(2):5–34. (In Russ.)
9. Kychanov E. I. (transl.) *The “New Laws” of the Tangut State (First Quarter of the 13th c)*. Moscow: Nauka; Vostochnaya literature; 2013. 501 p. (In Russ.)
10. Ratchnevsky P. *Un code des Yuan*. Vol. 1. Paris: Ernest Leroux; 1937 (1985); Vol. 2–3. Paris: Presses Universitaires de France; 1972–1977. 350, 199, 209 p. (In French)
11. Schurmann H. F. *Economic Structure of the Yüan Dynasty: Translation of Chapters 93 and 94 of the Yüan shih*. Cambridge: Harvard University Press; 1956. 253 p.
12. Ch'en P. H. *Chinese Legal Tradition under the Mongols: The Code of 1291 as Reconstructed*. Princeton: Princeton University Press; 1979. 205 p.
13. Birge B. *Marriage and the Law in the Age of Khubilai Khan: Cases from the Yuan dianzhang*. Cambridge: Harvard: Harvard University Press; 2017. 324 p.
14. Bayalieva E. F. Yuan Dynasty: Law on Paper Money (According to the Zhi-zheng tiao-ge Code). *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*. Iss. 2. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS; 2017. P. 64–70. (In Russ.)
15. Bayalieva E. F. Laws of the Yuan China on Maritime Trade and Carriages by Sea (According to materials of Ch. 28 of the Zhi-zheng tiao-ge Code 至正條格). *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 2016;46(2):53–69. (In Russ.)
16. Bayalieva E. F. The Fiefs Law of the Yuan Dynasty (According to Ch. 25 of the “Zhi-zheng tiao-ge” Code). *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 2017;47(2):59–76. (In Russ.)
17. Sidorovich S. V. On one of the Documents from the Lost Part of “Zhi-zheng tiao-ge”. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 2017;47(2):102–107. (In Russ.)
18. Sidorovich S. V. Chapters 29–32 of the “Zhi-zheng tiao-ge” Code. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 2019;49(1):214–309. (In Russ.)
19. Svistunova N. P. (transl.), Kuchera S. (ed.) *Laws of the Great Ming Dynasty with the Combined Commentary and Enclosed Decrees (Da Ming Liuy Tsi Tze Fu Li)*. Pt. I–III. Moscow: Vostochnaya literature; 1997–2012. 573, 408, 444 p.; Pt. IV. Svistunova N. P. (transl.), Dmitriev S. V. (ed.). Moscow: Vostochnaya literature; 2019. 550 p. (In Russ.)
20. Rybakov V. M. Protection of State Secrets in the T'ang Criminal Law. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 2016;46(2):183–198. (In Russ.)
21. Rybakov V. M. The Legal Aspects of Border Control in T'ang China. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka*. 2018;15(3):43–55. (In Russ.)
22. Drobyshev Yu. I. The “Tumu Incident” and Its Participants in the Light of Ideas of Sacral Character of the Supreme Power. *Vostok (Oriens)*. 2014;5:5–24. (In Russ.)
23. Bichurin N. Ya. *Notes of Mongolia Composed by the Monk Hyacinth*. T. II. St. Petersburg: Printing Press of K. Kray; 1828. 339 p. (In Russ.)
24. Lipovtsev S. (transl.) *The Code of the Chinese Chamber of External Affairs*. Vol. 1–2. St. Petersburg: Printing Press of the Department of National Education; 1828. 362, 319 p. (In Russ.)
25. Pan T. A. *Manchu Written Sources on the History and Culture of the Qing Empire in the 17th–18th cc*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie; 2006. 228 p. (In Russ.)

РЕЦЕНЗИИ

Почекаев Р. Ю., Тутаяв И. В. Историко-правовые размышления...
Ориенталистика. 2020. Т. 3, № 4. С. 1202–1216

26. Stepanov I. *Essay on the Criminal Law of China*. Kazan': Univerity Press; 1876. 24 p. (In Russ.)

27. Popov P. S. *Concise Historical Essay on the Criminal Legislation of China since the Ancient Times to the Second Half of the 10th Century A. D.* St. Petersburg: Priniting Press of Panteleev Brothers; 1880. 59 p. (In Russ.)

28. Porshnyakov S. M. *Penal System of the Chinese Code of Yongzheng Khan*. St. Petersburg: D. Alekseev's Printing Press; 1909. 71 p. (In Russ.)

29. Kozlikhin I. Yu. The Chinese Legal Tradition. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Series 14. 2016;3:4–13. (In Russ.)

30. Livantsev K. E. *History of State and Law of the Middle Ages: A Manual*. St. Petersburg: Piter; 2002. 283 p. (In Russ.)

31. Volkova S. V., Malysheva N. I. The Legal Status of Chinese Women in the Middle Ages. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Pravo. 2017;8(4):516–523. (In Russ.)

Информация об авторе

Почекаев Роман Юлианович – кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

Information about the author

Roman Yu. Pochekaev – Ph. D. (Law), Associate Professor, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia.

Тутаяв Илья Васильевич – магистр права, преподаватель кафедры теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

Iliia V. Tutaev – M. A. (Law), Lecturer of the Department of Theory and History of Law and State, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declare that there is no conflict of interest.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в эту работу.

Authors contributed

These authors contributed equally to this work.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 08 сентября 2020 г.
Одобрена рецензентами: 27 октября 2020 г.
Принята к публикации: 13 ноября 2020 г.

Article info

Received: September 08, 2020
Reviewed: October 11, 2020
Accepted: November 13, 2020